

gigantic minting tool. From that time people began to respect a minting tool. Probably, circles and pits on a minting tool symbolize starry sky.

Taking into account the exterior of horn awes and minting tools, their ornamentation, the data of sources and folklore, it is possible to state that the said tools were

used for cult purposes. These tools used to drive evil spirits away, to ensure good health and fertility. They were used for idolizing the celestial bodies and, probably, for forecasting the future. The materials, presented in the article, attest that actions with an awe were carried out by men.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The Cemetery in Jaunpiebalga: 1 – the plan of a male grave No. 4, 2 – the minting tool, found in the grave CM 8325:3

Fig. 2. Awes and minting tools found in Koknese, Dünaburg and Sabile: 1–3 – Koknese LVI 62/2521; 7338;

1755, 4–5 – Dünaburg LVI 265/1138; 526, 6 – Sabile LVIO 200/907

Fig. 3. Minting tools and awes found in Sabile: 1–3 – LVI 200/8911 735; 803

Fig. 4. The awe found in Dünaburg LVI 265/312

Translated by Inita Tamošiūniene

Prof. habil. dr. Ēvalds Mugurēvičs
Latvijas universitāte
Latvijas Vēstures institūts,
Akadēmijas laukums 1, Rīga LV-1050, tālr. 7 22 37 15.

ГОЛЯДЬ

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ

О проживании голяди в Западном Подмосковье свидетельствует Ипатьевская летопись. Под 1147 годом сообщается, что суздальский князь Юрий Долгорукий, претендовавший на киевский престол, пошел с войском на Новгород Великий, а черниговскому князю Святославу Ольговичу повелел воевать Смоленскую волость. Последний принял это предложение и захватил часть смоленских земель в бассейне р. Протвы, притоке Оки, заселенных голядью – "...и шед Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротве..." – записал летописец (ПСРЛ, 1962, с. 339).

К голяди Подмосковья относится и сообщение летописей под 1058 годом о победе Изяслава Ярославича над голядью (ПСРЛ, 1962, с. 114). Нередко это трактуется как свидетельство военного похода Изяслава в Галиндию (Пашуто, 1959, с. 11). Однако Изяслав в эти годы находился на Смоленщине и в Северо-Западной Руси, был занят "установлением" этих земель и вряд ли оттуда мог организовать поход в далекую прусскую Галиндию. Более того, с той же смоленской голядью, по-видимому, связано отмеченное летописями событие 1248 г.: "И Михайло Ярославичъ московский уьень бысть от Литвы на Поротве" (ПСРЛ, 1925, с. 38). Московский князь Михаил Хоробрит вынужден был снова отправиться на Протву, где и погибает в сражении с Литвой. Литва на р. Протве в середине XIII в. это – безусловно потомки голяди. Таким образом, надежно определяется, что в XI–XIII вв. в Западном Подмосковье в бассейне р. Протвы проживала голядь.

Очевидно, племя голядь под именем Coldas названо в сочинении историка VI в. Иордана "Гетика" (Иордан, 1960, с. 89), на что впервые обратил внимание А.Л.Погодин (1940, с. 24). Этот этноним упомянут Иорданом среди названий ряда других восточноевропейских племен без указания их географического размещения в связи с характеристикой готского короля Германариха, будто бы покорившего эти северные племена. Среди последних отчетливо читаются меря, мордва, весь, чудь. Произведение Иордана было окончено в 551 г., но автор широко использовал

и не дошедшие до нас сочинения Аблабия (середина V в.) и Кассиодора (конец V – начало VI в.). Сведения о голяди здесь относятся к IV в.

Память о голяди в отдельных местностях её прежнего проживания сохранялась ещё в XIX в. Так, калужский краевед В.М.Кашкаров сообщает, что в Мещовском уезде Калужской губ. недалеко от дер. Чертовой имеется гора, на которой "по преданиям, в очень стародавние времена жил разбойник Голяга, по другим – Голяда. Обладал он силой непомерною, на 30 верст бросал свой топор". В том же уезде близ деревень Свиныхово и Сабельникова местные жители указывали две горы, на которых жили два брата-разбойника Голяги, перебрасывавшиеся друг с другом топором (Кашкаров, 1901, с. 12–13).

На основе топо – гидронимов, производных от этнонима голядь, исследователи очерчивают довольно широкий регион расселения этого племени – от верховьев Клязьмы на севере до верховьев Жиздры на юге и от водораздела Днепра и Волги на западе до окрестностей Москвы на востоке.

Еще В.Н.Татищев сопоставил летописную голядь с античными галиндами и Галиндией – одной из земель Пруссии. С этим вполне правомерно согласились многие исследователи и полагая, что окская голядь была балтским (литовским, по терминологии XIX в.) племенем и каким-то образом оказалась в XII в. на реке Протве в окружении вятичей и кривичей. О происхождении голяди высказано несколько догадок. Согласно одной из них, голядь переселилась из Галиндии на Протву вместе с вятичами и радимичами, о ляхском происхождении которых говорит "Повесть временных лет" (С.М.Соловьев, Н.П. Барсов, А.А.Шахматов). Другая группа ученых видела в голяди на Протве поселения пленников, переселенных древнерусскими князьями из Галиндии (Н.М.Карамзин, П.И.Шафарик, П.И.Якобий, В.Т.Пашуто). Странники третьей точки зрения утверждали, что летописная голядь была реликтом древнего населения Восточноевропейской равнины, которое занимало её обширные пространства с

глубокой древности (П.И.Кеппен, Н.И.Костомаров, П.В.Голубовский, М.К.Любавский, А.И.Соболевский, Ю.В.Готье, М.Фасмер).

Новейшие топонимические изыскания достоверно свидетельствуют, что области верхнеокского бассейна, где локализуется голядь, составляют неразрывную часть древнего балтского ареала. Причем, водных названий балтского происхождения здесь не меньше, чем в других регионах древнего расселения этого этноса. В этой связи, можно со всей определенностью утверждать, что балтские племена начиная с отдаленной древности вплоть до славянских миграций заселяли земли бассейна верхней Оки (Седов, 1971, с. 99–113; Топоров, 1972а, с. 217–280; 1972б, с. 185–224; 1982, с. 3–61; 1988, с. 154–176).

Славяне, как показывают материалы археологии, начали осваивать земли бассейна верхней Оки около VIII в. н.э. В более раннее время здесь проживали племена балтского этноязыкового массива. В раннем железном веке это были племена верхнеокской культуры, родственной днепро-двинской культуре Смоленского Понепровья и Белорусского Подвинья и юхновской в Подесенье, принадлежность носителей которых к балтам не вызывает сомнений. Носители этих трех культур составляли крупное диалектно-племенное образование днепровских балтов (Седов В.В, 1985, с. 20–29).

Во II–III вв. н.э. в Верхнеокском регионе наблюдается инфильтрация новых групп населения, шедшая из Подесенья. Она проявляется в появлении на территории верхнеокской культуры древностей почепской культуры. Последняя получила распространение в бассейне Десны в I–III вв. н.э. и сложилась в условиях взаимодействия местных племен юхновской культуры с расселившимися на той же территории носителями зарубинецких древностей.

В бассейне верхней Оки переселенцы из Подесенья – носители почепских древностей селились или на поселениях верхнеокской культуры или основывали новые селища. В результате взаимодействия аборигенного населения с пришлым в Верхнеокском регионе на рубеже III и IV столетий складывается новая культура (рис. 1) – мощинская (Седов, 1982, с. 41–45). Основы домостроительства и характер керамического материала (сравнительно толстостенные горшки с выпуклыми плечиками и суженным низом с шероховатой или бугристой поверхностью из-за значительной примеси дресвы и крупного песка) были несомненным наследием местной верхнеокской культуры раннего железного века. Вместе с тем в мощинской культуре присутствуют

элементы (наземные дома столбовой конструкции с внутренними прямоугольными котлованами, глиняные сосуды, в том числе не известные ранее здесь довольно многочисленные миски, с черной или коричневой лощеной поверхностью, характеризующиеся тщательностью изготовления и плотным тестом с примесью мелкого песка), генетически не связанные с местными древностями. Достаточно очевидно, что они были привнесены в Верхнеокский регион переселенцами из Подесенья.

Вопрос об этнической принадлежности носителей мощинской культуры решается так. Основной этой культуры несомненно были верхнеокские древности, носителями которых были местные балты. Домостроительство, обрядность, керамический материал и украшения, в частности вещи, инкрустированные цветными эмалями, дают основания для отнесения носителей мощинской культуры к балтоязычному населению. Инфильтрация в верхнеокские земли потомков зарубинецких племен не изменила коренным образом этнос их обитателей (Никольская, 1966, с. 15–16; Третьяков, 1970, 60; Седов, 1970, с. 42–44).

В Верхнеокском регионе, как и в левобережной части Верхнеднепровского бассейна, вместе с водными названиями балтского происхождения, имеющими многочисленные соответствия в Подвинье и современных литовско-латышских землях, имеются гидронимы западнобалтского (пруско-явтяжско-галиндского) облика. Общая характеристика последних была сделана мною в связи с решением вопроса об этнической принадлежности племен зарубинецкой культурой (Седов, 1970, 44–47). Отнесение некоторых из таких гидронимов к западнобалтской группе дискуссионно, но среди них есть и достаточно надежные (например, с прусским корневым элементом “аре” или с меной –ж– на –з–). В этой связи В.Н.Топоров в своих гидронимических штудиях, специально посвященных Подмосковию, подчеркивает, что “мощный западнобалтийский компонент” в Днепровском левобережье и Верхнем Поочье несомненен (Топоров, 1982, с. 15). Показательными в этом отношении являются также выявляемые этим исследователем “соответствия между галиндо-пруской и верхнеднепровско-окской (“голядской”) гидронимией” (Топоров, 1981, с. 114; 1980, с. 135).

Появление на восточной окраине древнего балтского ареала водных названий пруско-явтяжско-галиндских типов как и этнонима голядь являются прямым свидетельством перемещения каких-то групп населения из

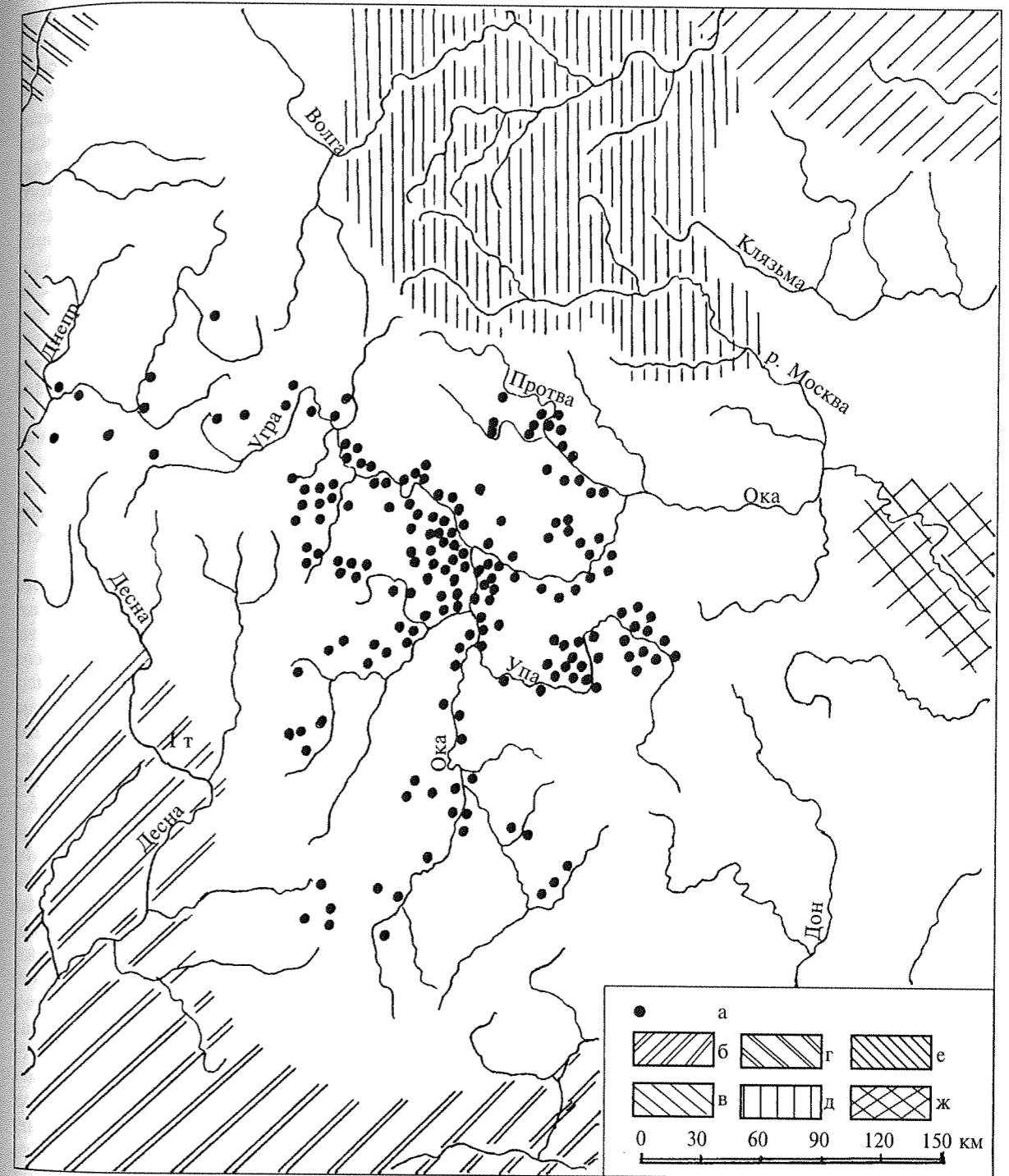

Рис. 1. Регион верхней Оки и смежных земель в третьей четверти I тыс. н.э. а – памятники мощинской культуры; б – ареал колочинской культуры; в – тушемлинской культуры; г – культуры псковских длинных курганов; д – москворецких и верхневолжских городищ; е – культуры мери; ж – рязанско-окских могильников.

западнобалтских земель. Этот момент, естественно, нуждается в объяснении.

В настоящее время распространение в верхнеокском и левобережноднепровском регионах вкраплений гидронимики западнобалтского облика может быть обусловлено только миграциями потомков племен зарубинецкой культуры. Как известно, в сложении классических зарубинецких древностей Припятского Полесья и Среднего Поднепровья ведущая роль принадлежала поморской культуре, которая определяется как периферийнобалтская, может быть, её носители занимали какое-то промежуточное положение между западными балтами и славянами. На всем пространстве расселения зарубинецких племен исследователями фиксируются географические названия западнобалтских типов. Они есть в Припятском Полесье (Непокупный, 1976, с. 103, 145, 169).

В второй половине I в. н.э. значительные группы зарубинецкого населения из Припятского Полесья и Среднего Поднепровья продвигаются в бассейн Десны, где, как уже говорилось, складывается почепская культура. Носители же последней в следующих столетиях проникают на верхнюю Оку, где и формируется мощинская культура. Нужно полагать, что миграция зарубинецкого населения и потомков его не внесли существенных перемен в этноязыковые ситуации Подесенья и Верхнего Поочья. Аборигены этих земель – днепровские балты приняли в свою среду родственное население. Вместе с тем, переселенцами были привнесены в эти земли западнобалтские языковые особенности, выявляемые прежде всего в гидронимике (Седов, 1970, с. 42–48; 1994, с. 201–219). Других объяснений появления западнобалтских лингвистических элементов на востоке древнего балтского ареала пока нет.

Мощинская культура оставлена определенно дославянским населением. В VIII в., когда верхнеокский бассейн заселяется славянами (рис. 2), она прекращает свое развитие. Славянами в эти края были принесены культурные элементы, проявляемые в домостроительстве и керамическом материале, сопоставимые с материалами роменской и боршевской культур. Вместе с тем, очевидно, что местное балтское население в основной массе в процессе славянского расселения не покинуло мест своего обитания. Ярким примером взаимодействия мощинских племен со славянами является появление у последних обычая хоронить умерших в курганах.

Погребальными памятниками мощинской культуры являются курганы полусферической или усеченноконической формы высотой 2–4 м при

диаметрах оснований 10–15 м. В отличие от восточнославянских мощинские курганы не образовывали больших могильников, а располагались по одному, по два или по три. Их характерной особенностью является кольцевая ограда, устраиваемая, по всей вероятности, в ритуальных целях в момент захоронения. Эти ограды напоминают кольцевое сооружение языческого святилища, открытого в Тушемле на Смоленщине. Судя по материалам раскопок курганов Шаньково и Почепок, слои обожженной земли с углями и остатками трупосожжений находились в центре насыпей. Несколько в стороне от погребальных остатков ставились глиняные сосуды, иногда дном кверху. Захоронения во всех случаях были безурновыми, сосуды помещались в курганы с ритуальными целями.

Славяне, поселившиеся в ареале мощинской культуры, первоначально не знали курганной обрядности и переняли её от аборигенов. Воспринят был и обычай сооружения кольцевых оград. Правда, они встречаются только у части курганов VIII–X вв.

На верхней Оке (до устья Угры) процесс славянизации аборигенного населения протекал, по-видимому, довольно активно и к XI–XII вв. завершился. Курганы XI–XII вв. этого региона имеют уже характерный вятичский облик. Лишь по его окраинам, там, где вятичская колонизация встретилась с кривичской, выявляются отдельные погребения голяди. Таков курган I могильника Трашковичи, в котором на материке открыто захоронение коня и несколько южнее мужское погребение, ориентированное головой к востоку. При нем найдены железные топор и наконечник копья, а также глиняный горшок (Булычов, 1899б, с. 57–61). Восточная ориентировка погребенных в древнерусских курганах лесной зоны Восточно-европейской равнины, как установлено ныне, является наследием балтской погребальной обрядности (Седов, 1970, с. 162–171). Наличие при погребенном топора и копья не свойственно восточнославянскому ритуалу и находит многочисленные аналогии также в средневековом балтском мире, например, в памятниках латгалов.

Восточная ориентировка погребенных зафиксирована еще в двух курганах Трашковичского могильника. В кургане 12 при захоронении найдены топор и нож, в кургане 16 – нож и пряжка. Остальные раскопанные курганы этого некрополя содержали труположения с западной ориентацией и вещевыми находками, характерными для смоленских кривичей.

Останки конских захоронений открыты еще в двух курганах между Васильевское и Паршино. Труположение в одном из этих курганов было

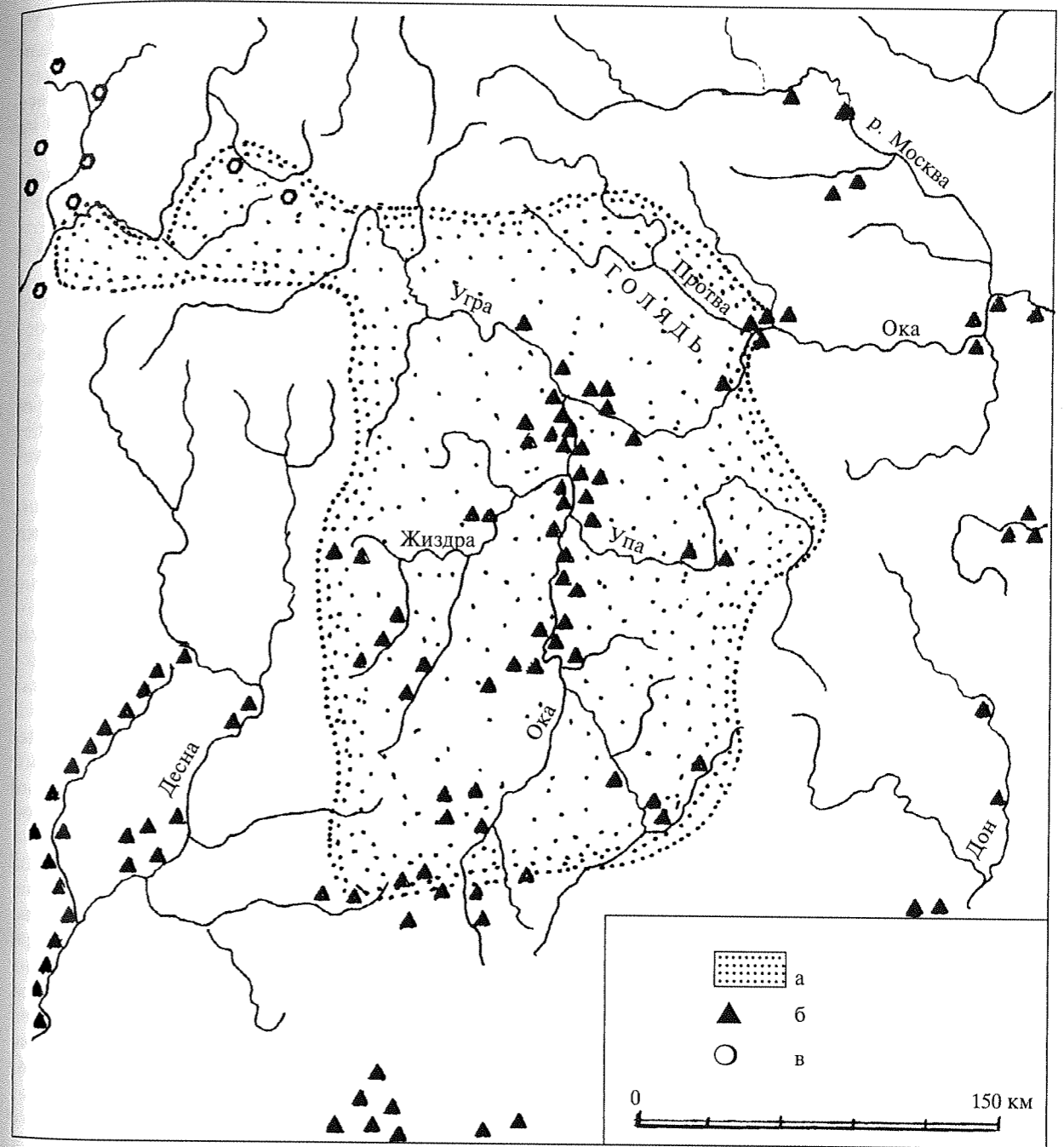

Рис. 2. Расселение славян в ареале мощинской культуры в VIII–X вв. а – ареал мощинской культуры; б – памятники роменской, боршевской и родственной им культуры верхней Оки; в – синхронные памятники кривичей.

обращено головой к северо-востоку. Еще одно конское захоронение обнаружено в кургане с остатками кремации человека в Выгоре (Булычов, 1899а, с. 63; 1899б, с. 36–38).

В лесной зоне Восточно-европейской равнины конские захоронения в древнерусских курганах являются несомненным наследием

балтского похоронного ритуала (Седов, 1970, с. 169).

Захоронения с восточной ориентировкой кроме упомянутых встречены еще в ряде курганных групп, раскопанных Н.И.Булычовым на окраинах бывшего мощинского ареала. Это – могильники Синьгово, Суборовка, Войлово,

Шуи, Колчино, Курганье, Леоново, Погост (Булычев, 1899а; 1899б; 1903). Большинство таких погребений безынвентарны или сопровождались единичными находками (ножи, поясные кольца и др.). Довольно большое число украшений встречено в кургане 41 могильника Колчино. Это – три перстнеобразных колечка с завитком на конце, три привески (плоская уточка, миниатюрные ложка и топорик), бубенчики, перстень и 18 стеклянных позолоченных бус. Только в одном случае (курган 9 могильника Погост) при погребенной головой к востоку обнаружены браслетообразные височные кольца.

Нужно полагать, что балтское население, хоронившее умерших головой в восточном направлении, находилось в стадии ассимиляции. Оно пользовалось уже едиными со славянами могильниками и проживало в общих селениях, но еще, по-видимому, не носило типично вятичских и кривичских височных колец. Интересен курганный могильник Леоново на речке Пополте (Булычев, 1899б, с. 1–3), скорее всего, являющийся целиком некрополем славянизирующейся голяды. Здесь открыты погребения и с восточной, и с западной ориентацией. В кургане 8 при погребенной головой к западу обнаружено шейное украшение, состоящее из большого ромбоштиткового височного кольца, к которому были подвешены семилопастные кольца. Кроме того, два семилопастных кольца находились на черепе. Очевидно, в данном случае, височные кольца нельзя рассматривать как этноопределяющие.

Курганные труположения с северной ориентировкой в рассматриваемом регионе также следует относить к голядскому наследию. Если восточная ориентировка погребенных в древнерусских курганах является отражением ассимиляции славянами местного восточнобалтского (днепровскобалтского) населения, то северная ориентация умерших на голядской территории, по-видимому, восходит не к финно-угорскому (этот регион расположен изолированно от древнего финно-угорского ареала), а к западнобалтскому ритуалу. Погребения, положенные головой на север, открыты в курганах могильников Коханы, Дубровка, Доброселье, Синьгово, Колчино, Богоявленье, Марфинка (Седов, 1982, с. 172–173).

В каменных курганах III–IV вв. земли ятвягов (позднее здесь господствовал обряд кремации умерших) все труположения имели северную направленность.

В могильниках с каменными венцами II–VI вв. и сменивших их грунтовых некрополях без венцов VI–VII вв. области расселения куршей господствовала такая же ориентация умерших. Головой к

северу погребались умершие и в могильниках V–XIII вв. Скальвии. Прусы долгое время сжигали своих покойников. Только в начале XII в. получает распространение обряд ингумации и все умершие стали помещаться в могилы головой на север (Седов, 1987, с. 401, 405, 406, 410, 415). Очевидно, такое положение умерших было обусловлено какими-то языческими представлениями западных балтов. И это позволяет говорить о возможности привнесения подобной обрядности в голядский регион.

Начиная с IX–X вв. славяне-вятичи с верхней Оки постепенно продвигались в северо-восточном направлении. При этом, расселение шло по поречью Оки и далее вдоль реки Москвы. Регион Протвы и Нары оставался не затронутым славянской колонизацией. Складывается впечатление, что голядь, заселявшая его, не допускала сюда славянских переселенцев.

Первые славянские поселения и курганы появляются в правобережной части бассейна реки Москвы в IX–X вв. и очень скоро округа будущего города Москвы оказывается наиболее плотно заселенным вятическим регионом (рис. 3). В том регионе, где летопись локализует голядь (кроме истоков Протвы, смежных с Можайским течением реки Москвы), курганов с типично вятичскими семилопастными височными кольцами не известно вовсе (кроме истоков Протвы, примыкающих к можайскому поречью Москвы). Более того, здесь нет и типично древнерусских курганных могильников, состоящих из десятков кучно расположенных насыпей.

В летописном голядском регионе известны лишь немногочисленные могильники, состоящие из одной, двух, трех насыпей. Так, на р. Протве в округе д. Кривское зафиксировано четыре могильника по одному кургану, один состоял из двух насыпей, один – из трех, и еще одна группа насчитывала пять курганов. Из одного кургана состояли могильники бассейна Протвы у деревень Уваровское, Величково, Касины, Алтухово, Кутепо, Городня, Спас Загорья, Любицы, Кузьминки, Оболенское. Могильники из двух курганов известны у деревень Ермолино и Алтухово, из трех курганов около Беницы и Ермолино. Более крупных курганных некрополей, кроме названного выше одного из Кривских, здесь нет (Археологическая карта, 1999).

В одном из разрушенных курганов в Ермолино на Протве выявлены отатки кремации и глиняный сосуд мощинского облика. Раскопками 20-х годов двух Кривских курганов открыты труположения, при одном из них найден лишь бубенчик (Археологическая карта, 1999, с. 39–40).

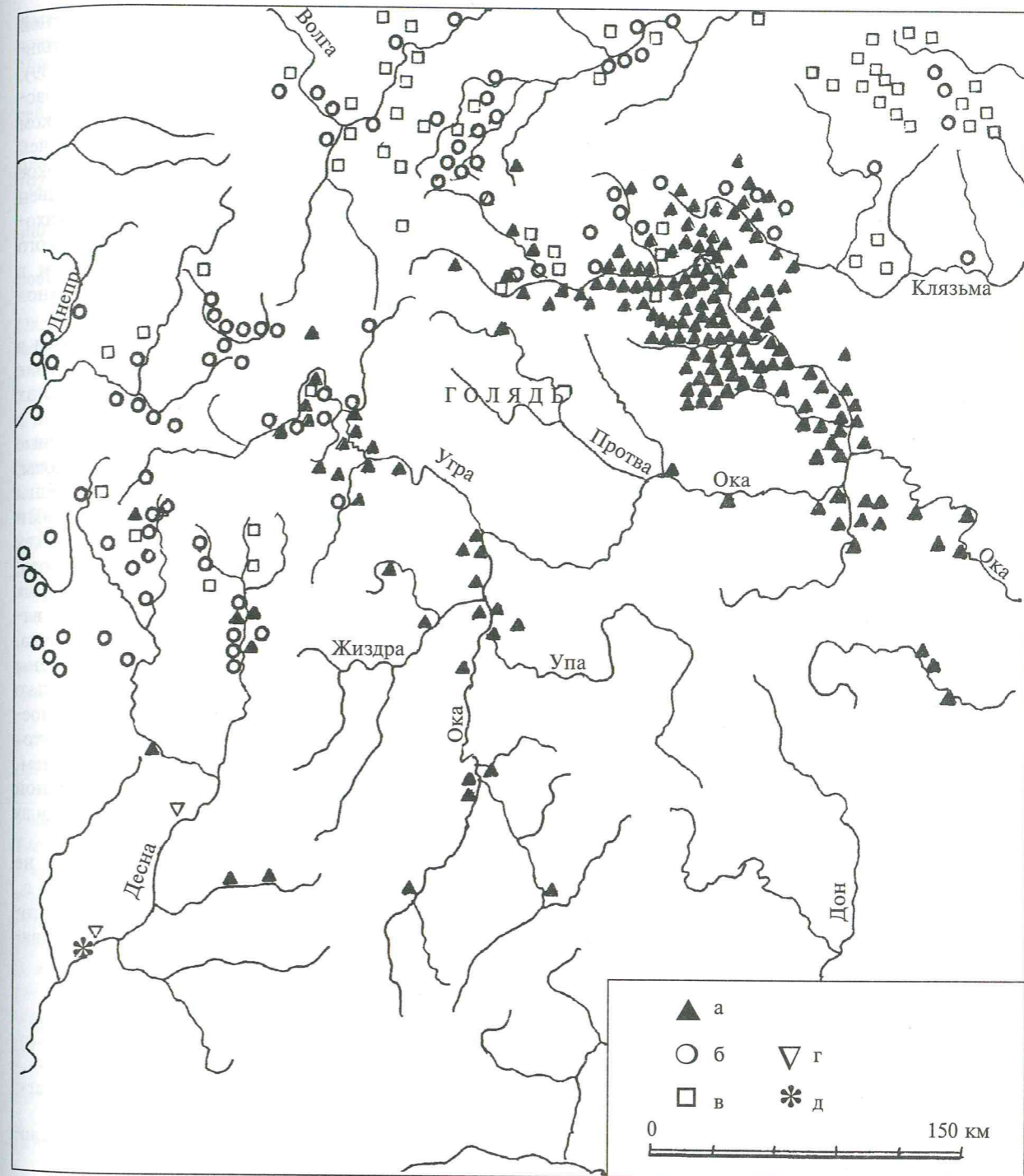

Рис. 3. Этнокультурная ситуация на Оке в XI–XII вв. а – памятники с находками семилопастных височных колец (вятичи); б – с находками браслетообразных завязанных височных колец (кривичи смоленско-полоцкие); в – с находками браслетообразных сомкнутых височных колец (“меря”); г – с находками семилучевых височных колец (радимичи); д – с находками спиральных височных колец (северяне).

В составе вятичского населения Москворечья выявляются курганные захоронения славянизированной голяди. Очевидно, более или менее крупные группы этого племени оказались увлеченными в славянский миграционный процесс. Какая-то часть таких курганов возможно отражает местные контакты подмосковных вятичей с голядью летописного региона.

Голядским, по всей вероятности, является обычай носить на руках большое количество перстней. В восточнославянских курганных при погребенных обычно встречается по одному-два, реже три перстня. Так, в курганах Костромского Поволжья на 214 погребений приходится 262 перстня и все они находились на пальцах рук (Рябинин, 1986, 66-67). В вятичских и кривичских курганных могильниках, расположенных на территориях по соседству с летописным голядским регионом, обнаружено по шесть-десять и более перстней. По 9-10 таких находок было в курганных погребениях могильника Орешково в Царицино (Москва), в некрополях Ликово и Судаково в Подольском районе, Салтыковки близ Москвы, Волинщины в верховьях бассейна р. Москвы. По семь-восемь перстней обнаружено при погребенных в курганах Вишенки в Можайском районе, Анискино северо-восточнее Москвы, Еганово в нижнем течении р. Москвы и Бочарово под Юхновым. По шесть перстней встречено при погребенных в курганных могильниках Мякинино, Кожухово, Звездочка, Троицкое, Пушкино, Одинцово и Домодедово в окрестностях Москвы, Битягово близ Подольска, Богдановка, Колчино и Бочарово в бассейне Угры и в названном выше некрополе Волинщина. Интересно, что в курганах Рязанского Поочья, в заселении которого участвовали вятичи, встречены погребения с одним-двумя перстнями (только однажды открыто захоронение с тремя перстнями).

ми). Ношение на руках большого числа перстней фиксируется по материалам латгальских могильников (Нукшинский могильник, 1957, с. 36, 39).

Шейные гривны не принадлежат к числу распространенных украшений в восточнославянском мире X-XII вв. Только у двух племен - радимичей и вятичей - они получили относительно широкое бытование. Анализ радимичских шейных гривен показывает, что прототипы многих из них находятся в балтских древностях, а обычай широкого употребления их обусловлен включением в этногенез этого племени балтских аборигенов (Седов, 1970, с. 138, 140).

Очевидно, распространение шейных гривен в ареале вятичей также отражает взаимодействие славян с балтами-голядью. Среди вятичских украшений есть шейные гривны, не известные в других древнерусских землях, но имеющие полные аналогии в летто-литовских материалах. Таковы, двускатопластинчатые гривны, заходящие концы которых придерживаются двумя тонкими пластинами. Они найдены в тех же могильниках (Покров, Волково, Одинцово, Саввина Слобода, Троицкое, Тушино и др.), во многих из которых фиксируются и иные балтские элементы. В вятичских курганах (Березкино, Битягово, Звездочка, Клопово) как и в ареале радимичей, встречены звездообразные пряжки, имеющие аналогии только в Латвии (Седов, 1970, с. 140). Очевидно, в Подмосковье в XI в. имела среда, родственная летто-литовскому населению. Голядским наследием, вероятно, являются и погребения с северной ориентировкой, открытые в подмосковных курганах в Крымском и Стрелково.

Летописный регион голяди оставался не доступным для славянской колонизации до XV в., когда московские князья стали основывать города, что и привело к окончательной славянизации остатков балтского племени.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта - Археологическая карта России. Калужская область. М., 1999.

Булычев Н.И., 1899а - Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899а

Булычев Н.И., 1899б - Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899б.

Булычев Н.И., 1903 - Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 года. М., 1903.

Иордан, 1960 - О происхождении и деяниях гетов. "Getica". М., 1960.

Кашкаров В.М., 1901 - К вопросу о древнейшем

населении Калужской губернии // Калужская старина. 1901. Т. I, кн. 2, с. 1-13.

Непокупный А.П., 1976 - Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976.

Никольская Т.Н., 1966 - К этнической истории бассейна верхней Оки // КСИА, 1966, Вып. 107, с. 9-16.

Нукшинский могильник, 1957 - Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I, Рига, 1957.

Пашуто В.Т., 1959 - Образование литовского государства. М., 1959.

Погодин А.Л., 1940 - Славяно-финские древ-

ности. III. Народы Германариха // Сборник Русского археологического общества в Югославии. Белград, 1940, Т. III, с. 5-30.

ПСРЛ, 1962 - Полное собрание русских летописей. М., 1962, Т. II.

ПСРЛ, 1925 - Полное собрание русских летописей. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1925.

Рябинин Е.А., 1986 - Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Седов В.В., 1970 - Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Седов В.В., 1971 - Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971, с. 99-113.

Седов В.В., 1982 - Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Седов В.В., 1985 - Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985, с. 20-29.

Седов В.В., 1987 - Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987, с. 353-456.

Седов В.В., 1994 - Славяне в древности. М., 1994.

Топоров В.Н., 1972а - "Baltica" Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972а, с. 217-280.

Топоров В.Н., 1972б - О балтийском элементе в Подмоскowie // Baltistica. Priedas. I. Vilnius, 1972б, с. 185-224.

Топоров В.Н., 1980 - Gaivai - Galindite -голядь (балт. *Galind - в этнолингвистической и ареальной перспективе) // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980, с. 124-135.

Топоров В.Н., 1981 - Голядский фон ранней Москвы (О балтийском элементе в Подмоскowie) // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс, 1981, с. 112-117.

Топоров В.Н., 1982 - Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982, с. 3-61.

Топоров В.Н., 1988 - Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988, с. 154-176.

Третьяков П.Н., 1970 - У истоков древнерусской народности. М., 1970.

GALINDAI

Valentinas Sedovas

Santrauka

Galindai rusų metraščiuose minimi XI-XII a. ir lokalizuojami prie Protvos (Okos intakas) upės. Anksčiau ši gentis minima VI a. vidurio Jordano veikale „Getica“. Toponimų, susijusių su galindų vardu, kartografavimas parodė, kad kadaise ši gentis užėmė plačią teritoriją visame aukštutinės Okos baseine. Tyrinėtojai seniai pastebėjo toponimo galindai tapatumą su antikiniu galindų vardu ir istorine Galindija. Dėl to susidarė nuomonė, kad tai persikėlėliai iš prūsų-jotvingių žemių. Tai patvirtina ir toponimika - Okos aukštupyje drauge su hidronimais, tapačiais lietuviškai-latviškai kilmei, išryškėja gausus vakarinių baltų toponimų komponentas.

I tūkstantmečio vidurio galindai - Moščino kultūros gentys. Jų etnogenezeje drauge su vietiniais - Okos

aukštupių gyventojais dalyvavo ir Zarubincų kultūros palikuonys, tuo metu apsigyvenę Okos aukštupyje. VIII a. Okos aukštupyje (iki Ugros žiočių) pasirodo slavai, susimaišę su galindais. Prasidėjo vietinių gyventojų slavimas. Tuo pat metu šiauriau, prie Protvos, galindai dar gyveno gausiai. Jie ir minimi rusų metraščiuose. X-XII a. galindų paminklai yra pilkapijai su rytine ir šiaurine mirusiųjų orientacija, kartais su žirgų kapais ir baltiško tipo inventoriumi. Juose nėra viatičiams ir krivičiams būdingų papuošalų. Tokie paminklai koncentruojasi slavų-galindų paribyje ir atspindi metisacijos procesus. Senųjų rusų kultūra į Protvos baseiną tuo metu dar nesiskverbė. Žinomi šioje teritorijoje pilkapyjai negausūs ir yra su degintiniais kapais bei Moščino tipo keramika arba su griautiniais kapais be įkapių.

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Okos aukštupio ir kaimyninių žemių regionas trečiajame I m.e. tūkstantmečio ketvirtyje:

a - Moščių kultūros paminklai; b - Koločino kultūros arealas; c - Tušemlios kultūra; d - Pskovo ilgujų pilkapių kultūra; e - Maskvos ir Volgos aukštupio piliakalnių

kultūra; f - Merios kultūra; g - Riazanės-Okos kapinynų kultūra.

2 pav. Slavų išsidėstymas Moščių kultūros areale VIII-X a.

a - Moščių kultūros arealas; b - romėnų, boršų ir

jiems giminingų kultūrų Okos aukštupyje paminklai; c – sinchroniniai krivičių paminklai.

3 pav. Etnokultūrinė situacija prie Okos XI–XII a.
a – paminklai su septynių menčių antsmilkinių radiniais (viatičiai); b – su apyrankės formos surišamais

antsmilkiniais (Smolensko–Polocko krivičiai); c – su apyrankės formos suveriamais antsmilkiniais („Meria“); d – su septynių spindulių antsmilkiniais (radimičiai); e – su įvijais antsmilkiniais (šiauriečiai).

Iš rusų k. vertė Vytautas Kazakevičius

GOLYAD'

Valentin Sedov

Summary

Golyad' is mentioned in the Russian annals in 11–12 th centuries. It is located on the river Protva, inflow of Oka. Earlier this tribe is mentioned in the Jordan's paper "Getica" (middle of 6th century). Distribution of toponyms, derivative from etnonym Glyad', shows wide settling of this tribe in the region of Upper Oka in ancient times. The researchers for a long time have paid attention on similarity of etnonym Glyad' with antique Galinds and historical Galindija. In this connection there was an opinion, that Glyad' are immigrants from the territory of Prussen and Jatwinger. This is proved by toponymical data – on the Upper Oka alongside with the water names compared with Letto-Lithuanian, a powerful West-Baltic component is revealed.

Glyad' of the middle of 1st millennium A.D. were the tribes of Moshchino culture. In its genesis together with the natives – tribes of Upper-Oka culture took part the immigrants – successors of Zarubintsy culture, that was formed in the region of Western Balts.

In the 8th century on the Upper Oka (up to the mouth of Ugra) the Slavs appear, that mix up with Glyad'. The process of assimilation with the natives at the began. Same time to the north, in the basin of Protva, the powerful group of Glyad' was kept, which are mentioned in the Russian annals. The monuments of Glyad' of 10–12th centuries are the barrows with east and northern orientation of the inhumations, sometimes with horse burials. These barrows are characterized by the absence of ethnografic decorations of Viatichs and Krivichs and by presence of Baltic artifacts. They are concentrated most of all along the border between Slavs and Glyad' and reflect already the metisation process. During that period the Ancient Russian culture had not yet penetrated in the basin of Protva. The barrows that are known here, do not form large cemeteries and contain either cremations with Moshchino ceramics, or inhumations without things.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The region of the Upper Oka and the neighbouring lands in the third quarter of the I Millenium A.D.:

a – the monuments of Moshchi culture; b – the area of Kolochin culture; c – Tushemlya culture; d – Pskov long burial mound culture; e – Moscow and the Upper Volga Hill-Fort culture; f – Meria culture; g – Ryazan-Oka cemeteries culture

Fig. 2. Distribution of Slavs within the area of Moshchi culture in the 8th-10th cc.

a – the area of Moshchi culture; b – the monuments

of Romen, Borshi and the relative cultures at the upper Oka; c – synchronic monuments of *krivichi*

Fig. 3. The ethnographic situation at Oka river in 11–12 cc.

a – monuments with finds of seven-paddle temple ornaments (vyatichi); b – with bracelet-like bindable temple ornaments (Smolensk-Polotsk *krivichi*); c – with bracelet-like folding temple ornaments ("Meria"); d – seven-ray temple ornaments (radimichi); e – with spiral temple ornaments (the residents of the North)

Valentin Sedov

Проф. др. Валентин Васильевич Седов
Институт археологии Академии Наук России,
ул. Дм. Ульянова 19,
111036–Москва.

PAALKSNIŲ, KELMĖS R., PILKAPYNO KALAVIJAS

VYTAUTAS KAZAKEVIČIUS

ĮVADAS

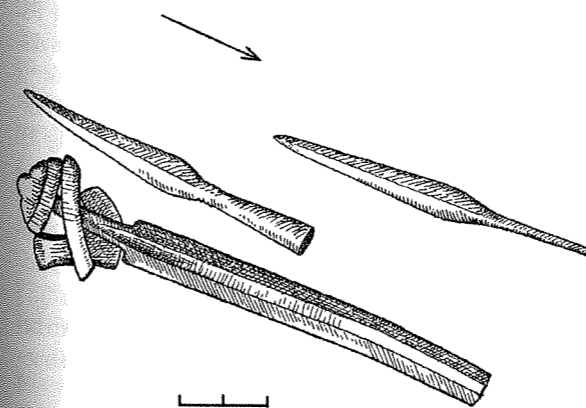
Paalksnių pilkapynas yra Kelmės rajone, Kražių seniūnijoje, Paalksnių kaimo pietiniame pakraštyje, valstybiniame miške. Išliko 20 apardytų sampilų. Vietiniai gyventojai pilkapius vadina milžinkapiais. Prie pilkapyno, jo šiaurės rytiniame kampe, pastebėti vėlyvojo geležies amžiaus kapinyno likučiai (Michelbertas, 1994, p. 107). 1993 metais ši Žemaitijoje esanti archeologijos paminklą pradėjo tyrinėti Vilniaus universiteto Archeologijos katedros ekspedicija, vadovaujama katedros vedėjo prof. Mykolo Michelberto. Per 6 tyrinėjimų metus buvo ištirta 10 pilkapių, rasta 12 senojo geležies amžiaus kapų, 27 XV–XVI amžių griautiniai ir 3 degintiniai vėlyvojo geležies amžiaus kapai (Michelbertas, 1994, p. 107–110; 1996, p. 79–82; 1998, p. 145–150).

1995 metais Paalksnių, Kelmės r., pilkapyno pilkapyje Nr. VI aptiktas 4 daiktų lobis, kuriame buvo kalavijo fragmentas, 2 ietigaliai ir plačiašašmenis pentinis kirvis. Dirbiniai buvo po kontroline juosta, sampilo pakraštyje. Lobis rastas tuoj po velėna. Kalavijas atkreiptas rankena į pietus, šalia jo lygiagrečiai gulė-

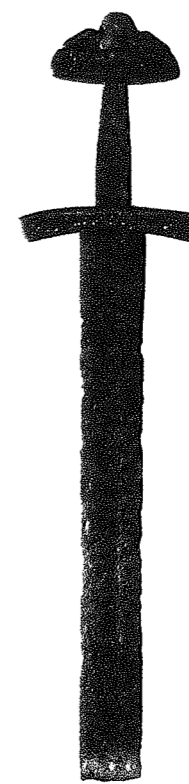
jo įmominis juostinis ietigalis, toliau į šiaurės rytus rastas dar vienas įtveriamasis ietigalis, o prie jo plačiašašmenis pentinis kirvis (1 pav.). Visi daiktai pabuvę ugnyje ir apdege, todėl gana gerai išlikę. Netoliese gulėjo dar vienas plačiašašmenis pentinis kirvis, kuris, atrodo, nepriklausė lobiui.

KALAVIJO APRAŠYMAS, TIPAS IR ANALOGIJOS

Kalavijo geležtė nulaužta, smaigalio nėra. Išlikusio fragmento ilgis 57,4 cm (2 pav.). Kalavijo geležtės plotis 4,5–5 cm. Buoželė tridalė, jos ilgis 8,3 cm, plotis 3,4 cm, storis 3,55 cm. Viršutinis rankenos skersinis nežymiai lenktas į viršų, 9,7 cm ilgio ir 2,3 cm pločio bei 2,55 cm storio. Apatinis skersinis lenktas žemyn, 13,6 cm ilgio, 2,2 cm pločio ir 2,25 cm storio (3 pav.). Kalavijas, kaip ir kiti drauge rasti ginklai, buvęs ugnyje. Kalavijo rankena buvo puošta sidabru. Ant buoželės ir skersinukų yra nuo kaitros susilydžiusių sidabro lašelių. Vizualiai apžiūrint kalavijo geležtę kilo įtarimas, jog ji galėjo būti su įrašu arba ornamentuota. Padarius rentgeno nuotrauką įrašo pėdsakai geležtėje neišryškėjo ir įtarimas nepasitvirtino. Tačiau geležtės griovelio įtartinų vietų cheminė analizė parodė sidabravimo pėdsakus. Tai galėjo būti sidabru inkrustuoto ornamento ar raidžių likučiai. Skirtingai nuo plieno ar vario inkrustavimų, puošimas sidabru dažnai būna negilus. Paalksnių kalavijo inkrustacija galėjo

1 pav. Paalksnių lobis in situ.

2 pav. Paalksnių pilkapyje rastas kalavijas.